

Александра Петрова

за светом маяка

Александра Петрова За светом маяка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69845290

ISBN 9785006068506

Аннотация

Даже после самой холодной зимы наступает весна. А самая долгая ночь обязательно заканчивается рассветом. Когда кажется, что кругом только темнота, охраняйте свой внутренний свет еще бережнее. Вдруг именно он станет кому-то маяком.

Содержание

За светом маяка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	58

За светом маяка

Александра Петрова

Редактор Анна Важенина

Дизайнер обложки Александра Троицкая

© Александра Петрова, 2024

© Александра Троицкая, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0060-6850-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

За светом маяка

Je rejoins le Cap de Bonne Espérance
De Bonne Espérance

Je prends le train transatlantique
Et tous tes détroits sont amnésiques
Dessine un phare sur mes paupières

Я держу курс на Мыс Доброй Надежды,
На Мыс Доброй Надежды.

Я пересекаю Атлантику,
И твои проливы заставляют забыть обо всем.
Нарисуй маяк на моих веках.

Garou «Bonne Espérance»

Стоя на побережье, она пристально всматривалась в даль. Ночь уже опустилась на город, огромная луна освещала дорогу всем, решившимся на морское путешествие в этот час. Вокруг бегали люди, сустились, перекрикивались. Волновалось море, волновались окружающие. А она смотрела вперед и не отводила взгляд от старого маяка. Вот сейчас он должен загореться, еще чуть-чуть.

Темнота. Только черная, обволакивающая все вокруг вуаль, по которой тонкой серебряной нитью выводил узор лунный свет. Девочка не уходила, пристально глядела на воду. Через несколько минут на горизонте показалась лодка, она неторопливо приближалась к берегу. Девочка кинулась в воду. Несколько мужчин бросились за ней. Один из них успел схватить ее и понес обратно.

– В пятистах метрах от берега, командир. Мне очень жаль, – он покосился на дно лодки, накрытое покрывалом.

– Пусти меня немедленно! – девочка била ногами и руками державшего ее мужчину. – Пусти меня к нему, пусти!

...Внезапный телефонный звонок сорвал с нее покрывало воспоминаний, оставив беззащитной. Она подскочила в кровати. Каждые сорок секунд нервная дрожь, исходящая из солнечного сплетения, пробивала ее насквозь и пробегала волнами к горлу.

Телефон все так же настойчиво звонил.

– Да, алло... – ее дыхание еще не до конца восстановилось.

В трубке звучал громкий раздраженный мужской голос.

– Привет. Нет, не на пробежке. Да, а который час? Ты

с ума сошел, звонишь мне в такое время?! Вернулся с очередной попойки, и тебе нечем заняться?

Мужчина, по-прежнему не сдерживаясь в выражениях, бурчал в трубку.

– Помню, ясно?!

Она отключила собеседника и со всего размаху швырнула телефон. Пролетев через комнату, он встретился с полупустым стаканом воды, и они с грохотом упали.

– Боже, как я ненавижу вас всех, этот город, год и чертову жизнь!

Разведя руки в стороны, откинулась назад. Лежала и молча смотрела в потолок. Провела так еще полчаса. Старалась остановить круговорот мыслей в голове. Но сегодня они не поддавались влиянию. Захватили над ней власть и отказывались делить ее с кем бы то ни было.

Нужно было встать, убрать осколки. Она поднялась, зашла в ванную, взяла первую попавшуюся щетку и вернулась на кухню. По пути достала с полки альбомный лист. Присев, хотела смахнуть стекла на бумагу, но не обнаружила их. Стакан оказался крепким и лишь раскололся надвое. Как быстро распадается целостность. Только что они были единым –

и вмиг стали несоединимыми разностями. Ничего уже поможет им снова быть вместе. Как и у нее. Вся ее жизнь напоминала такие же две части: до и после. Друг без друга они больше ничего не значат. Бесплезные и навсегда пустые. И ничего уже не изменить.

Выбросила осколки в мусорное ведро. Подняла телефон и достала из шкафа новый стакан. Как легко бывает заменить одну вещь другой. Пара движений – и никаких следов катастрофы. Жаль только, что с собственной жизнью никогда так не выходит.

Подошла к прикроватной тумбочке, открыла ее, стала в спешке переворачивать альбомы и папки, несколько из них достала и бросила на пол. На самом дне лежала смятая пачка сигарет. Открыла – последняя. Подошла и села спиной к задернутым шторам. Дым тонкой струйкой потянулся вверх. Часы показывали 4.37.

Ветер то и дело толкал шторы ей в спину. Осень... Как часто теперь ей снова снится этот сон. Было время, когда она почти забыла его. Но с момента возвращения сюда он стал приходить чаще. А теперь каждую ночь напоминает о случившемся. Изматывающая, затянувшаяся карусель. Когда-то давно она по собственной глупости заскочила на нее и никак не может вернуться на землю. Не может или не хо-

чет.

– Как же я устала. Прости меня, но я так больше не могу. И не хочу. Больше ничего не хочу. Хочу уйти. И, может быть, тогда наконец-то смогу встретить тебя.

Засыпая вчера, думала, что проснется пораньше. Ей хотелось запомнить этот день от первых солнечных лучей и до последнего проблеска лунного света. Но ничего не вышло. Сигарета так и осталась нетронута. Огонек медленно тлел, седые лохмотья осыпались. Их то и дело подхватывал врывающийся в приоткрытые окна ветер, и в медленном танце они опускались.

Бросив сигарету в кружку на тумбе, скинула одеяло и пару подушек с кровати и легла на них, накрывшись с головой. Так немного успокоилась. Представила себя лежащей на дне океана в плотном пузыре. В детстве ей очень нравилась эта игра. Теперь она так глубоко, что солнечные лучи уже не могли больше коснуться ее. Ничего, кроме воды. Прикрыла глаза и пролежала так какое-то время. В один момент даже стала проваливаться в сон, но тут за окном будильником прозвенел первый утренний трамвай. Вздрогнула, открыла глаза, скинула одеяло и пошла на кухню.

Включив кофеварку, хотела пойти в душ, но сделав

шаг, резко присела. Ногоу пронзила острая боль. Крошечный осколок все-таки остался незамеченным и дождался ее. Несколько капель крови упало на паркет. От неожиданности она обхватила ступню руками. Надавливала на нее, чтобы избавиться от осколка. Но чем сильнее давила, тем сильнее сопротивлялась боль. Их схватка становилась все яростнее, но вот маленькая стеклянная иголка выскочила на пол. Она подняла ее, бросила на стол и, ступая на пятку, пошла в ванную.

Пару минут промывала рану, затем, сбросив ярко-желтую рубашку, шагнула в душевую кабину. Тепло бегущих по телу капель. Они проносились, забирая с собой все мысли и чувства. Тишина. Только здесь она полностью погружалась в нее. Только вода делала ее хоть на миг свободной. Она стояла так почти двадцать минут. Выйдя из душа, лишь слегка промокнула кожу полотенцем и свернула в спальню.

Остановилась у закрытых штор, пара минут сомнений и резкими уверенными движениями она их распахнула. Осеннее утро часто настораживает непредсказуемостью погоды. Никогда не знаешь, будет ли там долгожданное солнце. Или именно сегодня город окажется укрыт белоснежным «приветом» приближающейся зимы... Все-таки солнце... Пусть с опозданием, но она его встретила. В раскрытые окна хлынул свет, заполнив собой пространство. Лучи побе-

жали по полу. Она оглянулась, провожая их глазами. Ловила каждый. Куда они бегут, в каких уголках решат остановиться и спрятаться? Окинув взглядом комнату, улыбнулась ее новому яркому облику. Но как только повернулась к окну, свет тут же обратил все внимание на ее лицо. Обнимая каждую веснушку, спешил напомнить, что он рядом, только руку протяни.

Она же облокотилась на подоконник, не чувствуя этой трогательной встречи на собственной коже. Почему она снова здесь? В этом городе? Столько раз уезжала с мыслью, что никогда больше... И в этот раз тоже не хотела ни возвращаться, ни видеть его. Когда-то давно она любила его. Любила так, что казалось, ничто и никогда не сможет это изменить. Они жили в одном ритме, дышали в унисон, она знала, что он слышит ее, как никто другой. Угадывает каждую мысль. А он бесстрашно раскрывал ей сердце и дарил все свои тайны. Но теперь многое изменилось. Она уже мало узнавала родные когда-то улицы. От любимых маршрутов практически ничего не осталось. Прошлое надежно спрятано под новыми вывесками, изменившимися фасадами, отремонтированными дорогами. Да и было ли оно когда-то, это ее прошлое?

Воспоминания тяжелой цепью сковали тело, в какой-то миг даже стало трудно дышать. Резко дернув за ручку ок-

на, полностью распахнула его и сделала глубокий вдох. Воздух тонкой спасительной струйкой стекал по горлу в легкие, словно заполняя ее изнутри и освобождая с каждым вдохом. Вот что оставалось здесь неизменным. Тот самый воздух. Дыхание города осталось прежним. Все так же свежо и легко. Еще немного простояв так, прикрыла окно, но не до конца. Оставив небольшое расстояние на случай, если ей вдруг снова понадобится эта «кислородная маска».

Щелкнула кофеварка, комната наполнилась тонким кофейным ароматом. Она вернулась на кухню, взяла чашку и присела за стол. Только собиралась сделать глоток, как снова раздался телефонный звонок.

– Еще раз доброе утро, Филипп. Да, все еще помню, – она поставила чашку и вышла из кухни. – Да, понимаю, что все возможные сроки прошли. Да, сегодня. Хорошо. Заеду за документами и постараюсь добраться до квартиры. Я же сказала, что постараюсь!

На том конце провода раздались короткие гудки, но она еще минут пять держала телефон возле уха.

Который час? Придется торопиться. Но ведь она не хочет никуда идти. Зачем вообще куда-то собираться, если в скором времени все закончится? Внутри у нее клубком соби­рались противоречия. Ей с трудом давался каждый шаг,

но продолжала сборы. На полу лежал раскрытый чемодан. Вытащила оттуда голубые джинсы и тонкий кашемировый пуловер пудрового цвета. Надев все это, забежала в ванную. Волосы оставила распущенными, только убрала их в воротник пуловера. Немного тонального крема, румяна.

Повернулась к белоснежному навесному шкафу, достала деревянную шкатулку с несколькими украшениями. Наде-ла два серебряных кольца: одно с нежно-голубым топазом – каплей на безымянный палец правой руки, второе в виде акулы-молота – на указательный.

В прихожей на тумбочке лежали часы, застегнула их на правой руке. Нога все еще саднила. Заклеив ее тонким пластырем, влезла в ботинки. Подумала, что, пожалуй, придется брать велосипед, пешие прогулки сегодня не лучшая идея. Сняла с вешалки куртку, взяла рюкзак и вышла за дверь. Закрыв ее на три поворота ключа, почти бегом спустилась по ступеням и шагнула на просыпающиеся улицы. Город был с ней ласков и приветлив. Но ей не хотелось замечать этого. Делала вид, что они никогда не были знакомы.

Провинциальные городки обладают особым утренним шармом. Неспешно загорающийся свет окон, тихие домашние улочки. В предрассветные часы город был похож на рыжего деревенского кота, вальяжно потягивающегося на ве-

ранде. Первые солнечные лучи отражались в каждом пожелтевшем листе дерева. Кроны еще пушистые и делятся теплом, которое старательно собирали целое лето. Можно накрыться этим ярким одеялом с головой, прищурить глаза и сделать глубокий вдох. А после сорвать крохотный золотой лист на память об этих ощущениях. Забывшись, она даже протянула руку, чтобы сделать это, но в последний момент передумала.

На углу улочки была небольшая велопарковка. Она достала из рюкзака ключ и отстегнула белоснежный велосипед от стойки. Ей нравились прогулки на велосипеде, легкость управления, маневренность, работа тела при этом. Приручить автомобиль за все эти годы ей так и не удалось. Скорость пугала, а окружающий поток машин нервировал. Каждая попытка сесть за руль оборачивалась сильным стрессом и долгим восстановлением. Поэтому она приняла решение больше не пытаться подружиться со скоростью. Они – дети разных миров, им не суждено быть вместе. Так, по крайней мере, ей теперь казалось.

Неспешно проворачивала педали, размышляя о том, насколько не хочется ей ехать туда, куда едет. Нарочно замедляя ход, как могла оттягивала минуту встречи и предстоящего разговора. Переезжая дорогу, повернулась, чтобы посмотреть, нет ли слева машин. И уже пересекла проезжую

часть, как вдруг на пути возник мужчина. Он о чем-то увлеченно беседовал по телефону. Она заметила его в последнее мгновение. Резко дернулась вправо. Велосипед передним колесом ударился о бордюр, она полетела в траву.

– Да вы сумасшедший!? Что вы вытворяете? – крикнула, поднимаясь и отряхивая джинсы.

– Прошу прощения, – мужчина в оцепенении смотрел на нее.

– Вы что, не заметили знака велодорожки!? – махнула рукой в сторону.

– Извините, пожалуйста, еще раз! С вами все в порядке? Нужна ли помощь? Вы не ударились? – он наконец-то очнулся и подошел ближе к ней.

– Кажется, нет, —еще раз оглядела себя – А вот мой велосипед, похоже, не справился.

Попробовала прокатить его немного, но колесо было слегка деформировано, из-за чего велосипед буксовал. Двигаться дальше на нем было невозможно.

– О боже, ну почему именно сегодня?! – она вздохнула и обхватила руками голову.

– Могу чем-то помочь вам? Может быть, ремонт? Или оплачу такси? – мужчина коснулся ее плеча.

Она дернулась, посмотрела на часы и сказала:

– Нет, не нужно. В следующий раз будьте внимательнее.

Взяв велосипед, пошла вперед. Докатила его до ближайшей парковки и, пристегнув, поспешила дальше. Но, пройдя пару сотен метров, пожалела, что отказалась от такси, так как нога стала болеть, место, где был осколок, жгло и тянуло. С трудом сделав пару шагов, остановилась и присела на газон. Столкновение выбило ее из колеи. Планы уже с утра начинали рушиться, как башенка в детской песочнице. Ее подташнивало. Вспомнила, что до сих пор не завтракала, чашка кофе так и осталась на столе. «Придется где-то поесть, – подумала она. – Но как же не хочется сталкиваться с этим городом ближе. Господи, я должна уже закончить наконец-то со всем этим».

Осмотревшись, на другой стороне улицы заметила небольшое кафе. Оно занимало первый этаж двухэтажного дома. Террасу, окрашенную небесно-голубой краской, украшали огромные вазоны с цветами. Они стояли вдоль витрины, за которой можно было увидеть кипящую внутри работу. Столики, укрытые скатертями в мелкую красную клетку. Вроде бы она никогда не бывала тут раньше, но в груди при взгляде на вывеску появилось странное щемящее чувство. «Esperanto». Когда-то она уже слышала это название.

Ей захотелось войти. Поднялась и прошла вперед под приветственно мигающий светофор. Внутри было много свободных мест. Сердце вдруг застучало чуть быстрее обычного. Неизвестно откуда появилось давно забытое чувство радостного волнения. В последние годы многие владельцы закрыли свои рестораны. А здесь все еще принимали гостей, и почему-то ей стало от этого чуть спокойнее. Большинство «выживших» – это культовые места или творцы, способные продолжать движение на одной лишь идее, которой горят их сердца. Те, кто не готов расставаться с мечтой, даже находясь на краю финансовой катастрофы. Она решила, что здесь пристанище беспокойных мечтателей, и шагнула на террасу.

Обстановка была уютной. Выбрала крайний столик в углу, именно эти места чаще всего заполняли солнечные лучи. И именно отсюда открывался особый вид на окрестности. Цветы, стоявшие рядом, создавали атмосферу домашнего тепла. Она бросила рюкзак на один из стульев и присела. Хозяин заведения встретил ее обворожительной улыбкой и протянул меню.

Это был очаровательный мужчина. Чуть за 60, волосы себребристые, но огонь в глазах отчётливо давал понять, что иногда цвет волос – это всего лишь признак прожитых лет, но никак не отражение внутреннего состояния. Он был об-

ходителен и вежлив, все время улыбался. Но, похоже, люди шли сюда не только за хорошим сервисом. Да, он был мастером своего дела, а это всегда чувствуется. Но было что-то еще, что-то большее. Здесь все еще ощущалась жизнь и теплота человеческого общения, сохранившаяся, несмотря на сложности прошедшего года. Он так мило и по-дружески беседовал с каждым гостем, что создавалось впечатление, будто на него всегда можно опереться. Пусть даже опорой этой служила уверенность в самой вкусной чашке утреннего кофе. Потому-то люди и приходили сюда, они слетались отогреться.

– Доброе утро, мадемуазель! Рад снова видеть вас у нас в гостях, как ваше настроение? Не правда ли, сегодня удивительная погода?

– Доброе утро! Спасибо большое, погода и правда чудесная. Но, думаю, вы ошибаетесь, никогда раньше не бывала у вас.

Она перелистывала страницы меню, а он наблюдал за ней.

– И все-таки настаиваю, что встречал вас раньше! У меня хорошая память на лица. Даже сквозь время. Сейчас убедитесь в этом, – мужчина подмигнул ей и вернулся в кафе. Она видела сквозь витринное окно, как он похлопал по плечу одного из поваров, а затем достал с полки увесистую книгу. Через несколько минут вышел, и она увидела, что это была

не книга, а фотоальбом. Широкая улыбка по-прежнему растекалась по его лицу.

– Вот, взгляните. А если я все же ошибся, то завтрак за счет заведения.

Он раскрыл альбом и положил на стол.

На снимках были посетители разных лет. Дети и взрослые, шумные компании и ищущие уединения влюбленные пары. На одном из них она увидела девочку. Высокий хвостик пальмой, джинсы, белая футболка и джинсовая куртка. Она откусывала кусок от огромной пиццы. Рядом с ней сидел мужчина.

– Ну так что? – он указал пальцем на фото.

– А? Что вы сказали? – голос ее был тихим, почти беззвучным. Она провела кончиками пальцев по снимку, подняла голову и посмотрела в глаза мужчине. – Но откуда у вас?

– Так, значит, я был прав! – он хлопнул в ладоши, и глаза его заблестели еще ярче.

– Да, это я. Мой день рождения, девять лет.

– Не так уж и много времени прошло, – он подмигнул ей.

– Разве? Ну да, возможно, – не отрываясь, она обводила глазами снимок.

– А знаете, я вам его подарю! Мне кажется, что вам он сейчас гораздо нужнее, – он достал фотографию и положил на стол. – Вот, держите. И завтрак тоже за мой счет. Люблю,

когда важные встречи происходят вовремя! Так что вам подать?

– Кофе, пожалуйста. С молоком, без сахара. И спасибо вам, – она подняла глаза, чтобы взглянуть еще раз на этого мужчину, но рядом уже никого не было.

«Какой странный день сегодня. Сначала велосипед, теперь вот это...»

Она еще раз взглянула на снимок и тут же отвела глаза. Вот так легко и просто то, от чего она всегда хотела сбежать, догнало ее в самый неожиданный момент. Догнало и схватило за руку. Раньше ей так нравилось чувствовать себя свободной от этих воспоминаний. Казаться самой себе независимой. Но город снова брал ее в охапку и бросал в бушующие волны.

Он помнил и знал каждую ее болевую точку. Он все еще слышал ее. Сколько раз она сбегала от этих берегов? Два, три, пять. Сколько раз она бежала потом? И каким же привлекательным всегда кажется бегство. Как легко становится, когда представляешь, что можно встать, собраться и исчезнуть навсегда. Сменить декорации, окружение и впечатления, обновить «обложку» своего «паспорта» и стать кем-то новым.

Никакой личной истории, другой человек. Никто из про-

шлого не встретит тебя неожиданно на улице и не коснется раскаленным воспоминанием. Чувствуешь себя обновленным и практически свободным. Практически... Но никогда абсолютно. И ровно до того момента, пока у проходящего мимо парня не заиграет музыкальный привет откуда-то из глубин твоей памяти, а затем девушка не окликнет подружку хорошо знакомым тебе именем. И вот уже круговорот накопленных за все прошедшие годы событий медленно погружает тебя в пучину прошлого. Крошечное болотце разрастается с каждой минутой, затягивая тебя глубже. Ты в панике начинаешь дергаться, хвататься за соломинки настоящего... Бесплезно... И что же тогда? Снова бежать. Раз за разом, год от года. Но как долго? С каждым новым городом отчетливее понимаешь, что все, от чего так старательно и методично пытаешься сбежать, непременно догонит тебя следующим рейсом. Доплывет, долетит, доедет и добежит. И рано или поздно вы обязательно встретитесь.

Так стоит ли игра свеч?

Чтобы немного отвлечься, надела наушники. Музыка играла, и все вокруг двигалось и жило в ее ритме. В такие моменты она ощущала себя на пороге перемен. Как в кино, когда важный сюжетный поворот обязательно сопровождается красивым саундтреком. С некоторых пор музыка стала неотъемлемой частью жизни. Точнее, она была такой и раньше. Ровно до тех пор, пока жизнь не раскололась надвое.

После, увлеченная и поглощенная бегством, она с яростью выбрасывала все, что так или иначе возвращало ее в жизнь «ДО». В том числе и все любимые когда-то мелодии. Но разве можно подчинить себе музыку? Та терпеливо ждала подходящего момента. И теперь снова встраивалась в каждый час дня. Музыка сливалась с мыслями, мысли разбегались по нотам. Единство, которое дарило давно забытое чувство вдохновения.

Она наклонилась и достала из рюкзака скетчбук и мелки – верных спутников на любой прогулке. Она любила делать зарисовки. Затухающие осенние краски не отпускали и приглашали разделить с ними происходящее. А лучи просыпающегося солнца добавляли незаметные ранее нюансы. Хотя еще совсем недавно она полностью была поглощена написанием портретов, но время изменило ее привычки.

Теперь стало труднее встретить «открытого человека». Слишком свежи у многих воспоминания и страхи. По инерции люди закрывают лицо и прячут его от происходящего. Отгораживаются в попытках ощутить себя в безопасности. Ей же все чаще казалось, что безопасность теперь неотделима от одиночества. Поэтому пришлось сменить направление и внимательнее присмотреться к окружающим пейзажам. Тогда и обнаружила, что природа редко играет в наши человеческие игры. Она стабильна и основательна, все-

гда рядом, от нее невозможно скрыться или убежать, даже надев маску. Где бы ты ни был, она найдет способ дотронуться до тебя, окутать дыханием, взглянуть в глаза. И в этом, как ни странно, чувствуется особая надежность и теплота. Ведь каждый из нас всегда может согреться мыслью о том, что рядом есть что-то вечное и всеобъемлющее. Что за осенью обязательно последует зима, а за зимой – весна, что тепло придет на смену холодам, а тьму прогонит рассвет. Так было и так будет всегда. И теперь осознание этого давало ей опору.

Вздохнув полной грудью впервые за утро, начала рисовать. Движения ее были легкими, мелок словно летал над листом. Краски мягко накладывались друг на друга, линии встречались и разбегались. Иногда она поднимала голову и оглядывала улицу. Через пару минут уже можно было различить детали окружающего пейзажа. Работа с цветом доставляла ей особое удовольствие. Она как будто пробовала на вкус каждый оттенок, свободно играя с движениями и сочетаниями.

Принесли кофе. От него поднималась ароматная дымка, от вида которой становилось еще уютнее и теплее. Сделав глоток, ощутила всю гамму любимых вкусов. Затем еще пара глотков, и она вернулась к своим краскам осени. Рисование увлекало и расслабляло, давало возможность физически

осознать связь с происходящим вокруг, ухватить ускользающую осень кончиками пальцев. Она погружалась в пространство через рисунок, в такие минуты чувствуя себя непосредственным участником каждого запечатленного момента. Эта возможность особенно радовала в затяжные периоды одиночества, ведь тогда оно не казалось настолько острым. Всегда можно было получить свой «кусочек общения», переворачивая альбомные страницы.

Закончив набросок, снова взяла в руки чашку и впервые рассмотрела посетителей. Их было немного: пожилая пара в одинаковых ярких шарфах, закрывающих лица. Две девушки, одна из которых активно размахивала книгой. Их лица тоже были скрыты, поэтому оставалось лишь предполагать, о чем именно был их диалог. Она еще раз для себя отметила, что теперь все труднее стало понимать, что таят в себе окружающие люди. Мимика, а значит, и эмоции, прятались под слоями ткани разной толщины. И можно было только догадываться, что скрывает каждая пробегающая мимо тебя маска. Не говоря уже о том, что встретить улыбку на улице стало роскошью.

Да, немногочленно. Пока еще слишком рано. Скользнув взглядом вдоль витрины, увидела еще одного посетителя. Он сидел за стойкой у окна, и его лицо было открыто. Можно было заметить, как он улыбается. Ей. Еще раз вниматель-

но взглянула на него, и, неожиданно для себя улыбнувшись в ответ, отвернулась. Отсутствие маски на лице мужчины заставляло вернуться в прошлое допандемийное время.

Чтобы не погружаться в размышления, опять надела наушники, взяла набросок. Нравился ли он ей настолько, чтобы продолжать? Очертания близки и знакомы, но ей хотелось обнаружить в них что-то новое, сделать открытие, которое смогло бы наполнить будничность смыслом. В последние несколько месяцев стала замечать, что в ее работах не хватает последней цветовой точки. Никак не могла ее поймать. Поэтому большинство начатых картин так и оставалось набросками. А ей так хотелось освежить чувства. Сообщить себе о том, что она все еще слышит и чувствует мир вокруг так же остро и близко, что он все еще интересен для нее, что она все еще готова оставаться здесь. Но ничего не выходило. Как бы ни старалась, ей всегда чего-то не хватало. В этих отношениях с миром повисла слишком длительная пауза. И все чаще она приходила к выводу, что их пора заканчивать.

Вдруг кто-то легко коснулся ее плеча... Погруженная в мысли, от неожиданности вздрогнула. Лист выпал из рук, наклонилась за ним, а поднявшись, увидела перед собой того самого посетителя, что сидел за барной стойкой пару минут назад. Вытащив наушники, вопросительно взглянула

на него.

– Прошу прощения за вторжение, ни в коем случае не хотел вас напугать. Мне неловко, что так вышло. Никак не мог пройти мимо и не поздороваться с одной из самых, на мой взгляд, бесстрашных женщин новой эры, – он виновато улыбался, глядя ей в глаза.

– О чем это вы? – с удивлением спросила она.

– Вы слишком обнаженная по современным меркам девушка, вам не кажется? – он снова улыбнулся.

Она удивленно вскинула брови, непонимающе глядя на него. Тогда он поднес ладонь ко рту, закрыв ей половину лица.

– Ах, вы об этом, – облегченно выдохнула. – А я подумала, что со мной и вправду что-то не так. Но я люблю дышать полной грудью и ничего не могу с этим поделать.

– Дышать полной грудью – непозволительная роскошь теперь.

Он оглянулся по сторонам и спросил:

– Не возражаете, если составлю вам компанию этим осенним утром?

Она не планировала искать себе собеседников да и вообще здесь находиться, поэтому первой мыслью было вежливо отказаться. Но внимательно посмотрев на его лицо, не ожи-

данно для себя сделала жест рукой, приглашающий присоединиться к ней за столиком.

Он без промедления воспользовался ее согласием. Некоторое время они сидели, не произнося ни слова. Слегка примериваясь и присматриваясь друг к другу. Она пыталась понять, что именно ее так зацепило в этом человеке. Он же по-прежнему улыбался, глядя на нее.

– Кстати, классный снимок. Это вы?

Она поспешно взяла фото и убрала в рюкзак. Чтобы сменить направление разговора, спросила:

– Часто здесь бываете?

– Достаточно, чтобы понять, что лучше места не найти.

– Интересно, а я вот до некоторых пор считала, что впервые здесь, – она сложила мелки и скетчбук обратно в рюкзак и повесила его на спинку стула.

Он с интересом ловил взглядом каждое ее движение, особенно его привлек начатый рисунок.

– В этом году я тоже тут впервые, пришлось обосноваться в другой стране, пока передвижение не стало более-менее возможным.

В этот момент мимо проходил хозяин кафе.

– Мой дорогой друг, ты все-таки решил выбраться из сво-

его зазеркалья и насладиться ароматом ускользящей осени? – он похлопал по плечу ее нового знакомого.

– Ты как всегда проникателен, Макс! Сегодня необычайное солнце, будет чертовски несправедливо упустить такую возможность! – его брови чуть вздернулись, а взгляд слегка коснулся ее глаз и вновь вернулся к ресторатору.

– Я рад, мой друг, очень рад. Всегда приятно наблюдать за рождением новой жизни! – подмигнув, ответил владелец ресторана и убежал, сопровождаемый непринужденным смехом товарища.

– Как интересно он говорит. О какой это жизни, вы случайно не знаете?

– О самой настоящей. Мой друг обладает уникальным талантом ощущать малейшие проявления жизни. В каждой детали вокруг он замечает то, что большинству в современном мире уже неподвластно.

– Вы всегда говорите загадками? – она сложила руки на груди и посмотрела на него с легким возмущением.

– Возможно, а вас это смущает? – он принял точно такую же позу и изобразил выражение ее лица.

Она вздохнула, а затем, махнув рукой, ответила:

– Пожалуй, не сегодня. Иногда, наверное, все мы любим ребусы. А я и вовсе в последнее время ощущаю себя участницей викторины. Так что одной загадкой больше, одной меньше.

Она откинула с лица прядь волос, а затем добавила:

– Вы называете друг друга друзьями, а давно знакомы?

– Трудно сказать, давно или нет, но определённо могу назвать его своим другом. Познакомился с ним, когда это место было еще только амбициозной мечтой. Но уже тогда я был уверен, что у него все получится.

– Вы обладатель уникальных магических способностей? Тайны, предсказания – это, похоже, ваш конек, – сказала чуть ехидно.

– Пожалуй, вы мне льстите, – ответил он, поглаживая себя по волосам и улыбаясь. – Все гораздо банальнее: увлеченность этой идеей настолько пронизывала всего Максимилиана, что трудно было усомниться в его успехе. Человек, несущий в своем сердце такой огонь, обречен быть счастливым в любых обстоятельствах.

– Да, это трудно не заметить. Что ни говори, а иногда бывает необходимо погреться у такого огня.

Чем дольше они разговаривали, тем более странным казался ей этот диалог. Как-то слишком быстро и слишком легко их разговор приобрел непринужденную форму. А возможно, она просто отвыкла от такого общения с посторонними? Но при этом не менее удивительным было то, что она вдруг испытала давно забытое ощущение близости. Сродни тому, которое чувствуешь, встретив приятного попутчи-

ка в долгой дороге. Ощущение близости, которое вскоре сотрется и исчезнет навсегда. Ощущение, которое вызывает желание быть особенно откровенным, не испытывая при этом ни малейшего страха. Она еще раз внимательно всмотрелась в его лицо. Оно вдруг показалось ей как будто знакомым, хотя она была точно уверена, что не могла нигде видеть его раньше. Особенно ее поразили его глаза.

– Вы так пронзительно смотрите, что начинаю сам себя в чем-то подозревать, – сказал он.

– Простите, я часто забываюсь, когда встречаю новые интересные лица. Хочется познакомиться с каждой деталью, – она слегка склонила голову, снова пристально всматриваясь в его лицо.

– Профессиональный интерес? – он тоже чуть склонил голову и слегка прищурил глаза.

– Скорее, душевный порыв.

– Надеюсь, вы не сотрудник полиции?

– А вам есть что скрывать? – она удивленно вскинула брови.

Но, увидев, как он отрицательно мотает головой, подняв при этом руки, продолжила.

– Нет, – ее взгляд пробежался по идущей мимо паре влюбленных. – На лице каждого из нас всегда можно найти много интересных загадок или историй. Люблю иногда всматриваться в прохожих, отмечать уникальные для каждого черты, замечая отраженный в них опыт. Но теперь, к сожалению,

все меньше возможностей для таких наблюдений.

– Как приятно встретить человека с таким неподдельным интересом к людям. Но вы правы, сейчас многие все чаще убегают в иную реальность, сторонятся и даже боятся друг друга. Человек воспринимает другого как угрозу. Мы все больше закрываемся и отдаляемся друг от друга.

– Трудно упрекать в этом кого-то. Люди напуганы. Многие еще не оправались от потерь и переживаний. А когда долгое время живешь в страхе, потом бывает трудно сбросить его с себя. Это состояние становится привычным, будто врастает в тебя, а самое смешное, что кажется самым безопасным, – она вновь повернула голову, оглядывая проезжающие мимо автомобили.

– Вы говорите об этом с привкусом собственного опыта. Вас это тоже коснулось?

– А вы всегда настолько глубоко погружаетесь в беседу с незнакомцами?

– Скорее, с незнакомками... Шутка! Хотя, возможно, и не совсем. Наверное, осенняя переменчивость и новые реалии заставляют быть более откровенным, когда встречаешь по-настоящему интересного собеседника. А если честно, я плохо переношу одиночество, которым теперь будто пронизано все вокруг.

– Значит, вам чуждо одиночество? – она слегка постучала пальцами по столику.

– А вам разве нет? Мне показалось, вы, как никто другой,

нуждаетесь в том, чтобы быть в эпицентре событий.

Это замечание показалось ей удивительным, ведь в последнее время ей все труднее было оставаться наедине с собой, и все чаще она спешила накинуть на себя суету пускай и нелюбимого больше города и переключить внимание на наблюдение и зарисовки. Окружающий шум слегка приглушал ее мысли и переживания, помогая выбираться из заточения. Но она ответила:

– Не знаю. Мне интересны люди, люблю наблюдать за ними, люблю красоту человеческих лиц и образов. Люблю общаться, но не выношу в этом чрезмерности. Устаю от необходимости близко контактировать с большим количеством людей, в толпе начинает болеть голова. После подобных встреч могу час провести в душе, будто смывая с себя общение. Трудно правильно объяснить. Я не социофоб, скорее – консерватор. Время наедине с собой тоже ценю. Мне необходима тишина, чтобы восстановиться, услышать собственный голос. Иногда этого времени мне нужно достаточно много. В общении мне важна глубина, а не гонка за количеством и регулярностью. А до настоящей глубины доплывает далеко не каждый.

– Неужели не боитесь утонуть? – он пристально взглянул ей в глаза.

Вопрос повис в воздухе. Ее словно пронзил электрический разряд, и на мгновение она перестала дышать. Этой фразой он вернул ее туда, куда возвращаться она не была готова. Откуда много лет назад поспешно сбежала, боясь хоть на миг задержаться, чтобы не застыть и не остаться навсегда.

Чтобы прийти в себя и сбросить неожиданно навалившиеся воспоминания, взяла чашку и вдохнула аромат остывшего кофе. Никогда раньше не встречала человека, разговор с которым был настолько необычным и при этом живым, непосредственным и попадавшим в самое глубокое и сокровенное место в сердце.

Что происходило? Для чего она решилась на эту беседу? Тоска по человеческой откровенности? Но сейчас каждый второй готов рассказать любые подробности своей жизни, чтобы получить заветное красное сердце взамен. Или ей вдруг понадобилось стать откровенной? Сбросить с себя накопленный груз размышлений и уйти налегке? Но в этом тоже сложно увидеть трудность в век соцсетей и технологий непрерывного интернет-общения. Есть ли отличие в этой откровенности? Отличие в количестве слушающих? Общение один на один подразумевает нечто иное? Глядя другому человеку в глаза, труднее играть роли? Или все дело в собеседнике? С некоторыми людьми невозможно быть отстраненным? Выходит, для этого ей был нужен именно он? Но поче-

му сейчас, и кто он такой? Мысли бежали в голове одна за одной, но в них уже не было тревоги. Она вдруг остро ощутила все происходящее как необходимое. Хотелось ли ей найти ответы на собственные вопросы, вернувшись в прошлое, она не знала. Но знала, что хотелось говорить. И она смирилась.

А еще на мгновение поняла, что скоро ей снова предстоит увидеть море. С удивлением ощутила давно забытое, а может быть, даже забытое желание пройтись по кромке воды, вдохнуть аромат осеннего побережья. Полюбоваться глубокими густыми красками волн. И ощутить близость дыхания большой воды. Близость, на которую она так и не могла решиться с момента побега. Пора встретиться с ним снова. Чтобы уже больше никогда не расставаться. Прикрыла глаза, слегка повела головой из стороны в сторону и сделала глубокий вдох.

– Не хотите прогуляться к морю? – напомнил он о себе и внезапно прервавшемся диалоге.

– О, теперь вы читаете мои мысли? – спросила с неподдельным удивлением.

Он согласно закивал, вскинув брови и широко улыбаясь. Он был весьма удовлетворен произведенным эффектом.

– Да, наши разговоры о глубине напомнили мне о том, что давно не слышала шума волн, – она с разгорающимся интересом остановила на нем взгляд.

– Отлично, подожди пару минут, нужно попрощаться с Максимилианом.

Он поднялся и зашел в кафе. Она видела, как они перебросились парой фраз, потом пожали друг другу руки и крепко обнялись. Макс вручил другу конверт, и тот направился к выходу.

Она снова взглянула в витрину и увидела, как Макс машет ей рукой.

– Мне нужно оплатить счет.

– Счет оплачен, можем идти.

Будто бы в подтверждение его слов Максимилиан кивнул и подмигнул ей. Все происходящее заставило ее удивиться, но потом она решила, что в нынешнее утро, похоже, не стоит обращать внимание даже на это.

Взяла рюкзак, накинула на плечо, и они вышли из кафе.

– Я оставил свой транспорт в другом районе. Если не возражаешь, мы бы прогулялись, а затем отправились на побережье.

– Пусть будет так.

– Каким маршрутом тебе бы хотелось пойти туда? – спросил он. Она подняла голову и только сейчас обнаружила, что он гораздо выше нее. Оглядела его. Бежевая кепка, голубая рубашка, черная кожаная куртка, светло-коричневые джин-

сы, грубые ботинки.

– Надеюсь, я все еще ни в чем не виноват перед тобой? – он снова с улыбкой поднял руки.

– Не успела заметить, когда мы перешли на «ты»?

– Мне кажется, так было всегда. А ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

Она сделала вид, что не услышала, и сказала:

– Сегодня маршрутом заведешь ты. Не против?

– Сегодня я только за. Ты любишь море?

– Люблю ли я море? – она усмехнулась, отвернулась и опустила голову. – Люблю ли я море? Раньше мне всегда казалось, что оно – мое продолжение, часть меня, что море и есть я. Сколько себя помню, оно всегда было рядом. То дальше, то ближе, даже внутри меня. Почти каждый день лета проводила возле него. И при этом у меня никогда не было ощущения обыденности рядом с ним. Знаешь, которое обычно присуще жителям приморских городов, когда они видят его раз в год, сопровождая приехавших на отдых родственников. Оно было моей колыбелью, моей стихией, моей семьей. Иногда чувствовала себя так, будто рождена морем. Могла часами не вылезать из воды. Казалось, она обнимает меня, оберегает. Что глубина сможет рассказать мне столько всего, чего никогда не узнаю на суше. Мне до мурашек нравилось погружаться с головой и выныривать на поверхность, с силой отталкиваясь от дна. В эти моменты каждый раз рождалась

заново. Мое море согревало меня и давало прохладу. Оно возвращало меня к себе самой шумом волн. Кумиром моих детских лет всегда оставался Жак-Ив Кусто и его чудесная команда. Думала, что только будучи частью нее, могу стать самым счастливым человеком на свете. Ведь тогда мне никогда больше не придется расставаться с водой, могу узнать ее ближе, познакомиться с ее обитателями, погрузиться еще глубже и почувствовать всю полноту общения с ней.

– То есть ты исследуешь морские глубины?

– С чего ты взял?

– Ты не производишь впечатление несчастного человека.

Она рассмеялась, но при этом пожала плечами.

– К сожалению, не всем детским мечтам суждено сбыться.

Но к счастью, с возрастом в подобных вопросах я стала менее категорична.

– То есть ты родилась и выросла в этом городе?

– Не знаю, имеет ли какое-то значение та географическая точка, где я появилась на свет, но этот город действительно долго был частью моей жизни. У нас есть много разных общих историй. И он определенно сделал все, чтобы заставить меня повзрослеть.

Он сбавил шаг, чуть склонился, повернул голову и внимательно посмотрел ей в глаза. Только теперь она поняла, что так привлекало ее и почему он казался ей знакомым. Его глаза. Они были поразительного цвета прозрачной воды или но-

ябрьского неба в ясную погоду. Глубокими и светлыми. В его глазах оживало море. Ее море. В них она впервые встрети-лась с ним после долгой разлуки. Вот почему она наконец-то решила отправиться навстречу воде. Она увидела прибой в глубине его взгляда, и это не разрушило ее. Может, она уже готова к тому, чтобы шагнуть еще дальше?

– А мне море всегда казалось немного неприступным, – вдруг сказал он. – Я любил иногда прогуляться по песку. Но редко испытывал желание взглянуть в глубину.

– Почему?

Его слова заставили ее вернуться к действительности. Она сделала глубокий вдох, выныривая из размышлений.

– Когда вхожу в воду, становлюсь отрезанным от всего во-круг. В детстве часто проводил время под парусом. И хотя не очень любил это занятие, иногда мне все-таки удавалось встать на корму, раскинуть руки и представить, как за спи-ной вырастают крылья. Когда все сливается в единстве: зем-ля, вода, небо. В такие моменты ощущал себя частью мира. Казалось, растворялся в нем. И мне всегда хотелось взлететь.

– Да, пожалуй, рано или поздно каждый из нас встречает-ся с желанием расправить крылья и взлететь.

– Каждый, но только не ты, верно?

– Интересный вопрос. Свои крылья я обрела случайно. Летать было довольно забавно некоторое время, но потом поймала себя на мысли, что это слишком обыденно для ме-ня.

– Ну конечно! Ведь тебе нужна глубина? А в этом случае крылья только мешают? – он подмигнул ей, вновь заставив улыбнуться.

– Далеко не всегда, некоторые прекрасно справляются с обеими задачами.

– Это кто же, например?

– Гагары. Удивительные морские птицы. Они взлетают с воды, долго разбегаясь против ветра. И способны погружаться на глубину до 70 метров. Даже спасаясь от опасности, чаще ныряют, чем взлетают.

– Кажется, вы чем-то похожи.

Они неспешно шли по одной из главных улиц. Горожане начинали просыпаться. Кто-то прогуливался с питомцами, кто-то с шумной компанией малышей торопился на детскую площадку, пожилые пары наслаждались общением. Солнце этим субботним утром еще раз напомнило людям о том, что тепло всегда где-то рядом. Его не нужно заслуживать или зарабатывать. Можно открыть утром глаза и ощутить, как его лучи нежно касаются лица. Открыть глаза. И ничего больше.

– О чем ты думаешь, когда открываешь утром глаза? – спросил он.

Его способность чувствовать ход ее мыслей на этот раз показалась уже чем-то само собой разумеющимся.

– Долгое время первым делом предполагала, какую под-

лость готовит мне наступающий день.

– Серьезно?! Ждала подвоха в каждом дне?! – в его взгляде было недоумение.

– Все не так страшно. Просыпалась с мыслями: «Вот и утро, сегодня по плану – день мучений в обществе незнакомцев, затем можно снова спрятаться дома». Или так: «Сегодня нужно перетерпеть пару жутких уроков в школе, а затем смогу выдохнуть». Время шло. Программа переживания постоянно обновлялась, – с усмешкой продолжила она. – Но прогресс налицо, на какое-то время мне удалось сместить фокус на предстоящие радости.

– Откуда в тебе вообще возникли эти странные ожидания? – он был настолько удивлен, что даже остановился посреди улицы.

– Я всегда называла это ожидание «что-то случится», – она подняла голову, чтобы взглянуть ему в глаза. – Там в кафе ты спросил меня про страхи... Страхи долгое время были главными спутниками моей жизни. Они были со мной почти всегда. Сопровождали в течение всего дня. Но их особым временем была ночь, тогда они просто расцветали, охватывая меня с головы до ног. Наполняя собой все пространство вокруг, каждый шорох, каждое движение, каждый звук. Это состояние научило меня жить в постоянном напряжении. Ты становишься пружиной, которая резко разжимается даже от самого малейшего прикосновения. И чтобы хоть

как-то с этим справиться, мое подсознание, видимо, решило сразу выделять для себя зоны риска среди дня. Наверно, чтобы лучше подготовиться. Или что-то вроде того. Я была совсем маленькой, когда впервые осознала этот момент. Трудно сейчас давать этому какие-то оценки или подвергать анализу. Возможно, пыталась все вокруг контролировать, создавая таким образом иллюзию безопасности.

Они так и стояли посреди оживленного проспекта. Легкий порыв ветра сорвал крохотный лист с почти полностью оголенного дерева. Он полетел и, сделав несколько пируэтов, опустился ей на плечо. Ярким пятном заиграл на светлой куртке. Он с интересом всматривался в ее черты. Бледная кожа с россыпью ярких веснушек на щеках. Чуть заметный румянец. Волны песчаных волос.

– Чего ты боялась больше всего? – он взял лист и положил ей на ладонь.

– Одиночества.

– Ты же говорила, что одиночество тебя не пугает.

– Да, сейчас это и правда так, – она внимательно рассматривала лист, вглядываясь в каждый переход красок, прожилку, изгиб рисунка.

– А что же было раньше?

– О, все довольно банально. Боялась быть одна, терялась при любых обстоятельствах. Внешне не всегда заметно, но внутренне – зашкаливающее напряжение. Думаешь о том,

что, оставшись один, не сможешь выжить.

– На что это похоже?

– Будто тебе снится сон, что за тобой гонится кто-то ужасный, а ты бежишь, но ноги тебя не слушаются. И вот ты чувствуешь его дыхание у себя за спиной, понимаешь, что он совсем рядом, он тебя догнал. И ощущаешь, как его рука касается плеча. Ты становишься невесомым, тело не слушается, ужас накрывает с головой. Вот я каждый день жила с ощущением, что ужас касается моего плеча.

– Но почему? И откуда это пришло в твою жизнь? – он чуть склонил голову.

– Из раннего детства. Обстоятельства сложились определенным образом. И мне пришлось остаться один на один с трудностями. А когда ты мал, то ничего не можешь решать. Только следовать за взрослыми. Тебе хочется быть рядом, ощущая себя под защитой их всемогущества. Это все, чего тебе нужно для выживания. Собственный взрослый, который будет рядом днем и ночью, чтобы защитить своего детеныша. А когда его не оказывается рядом, или он не в состоянии защитить тебя от каких-то событий, ужас начинает захватывать все вокруг. Особо остро безнадежность и потребность в защите ощущаешь ночью. Когда темно, хочется про-

верить, не сидит ли кто под кроватью, не стоит ли монстр за окном. Проверить смелости мне не хватало. Оставалось бояться. Не зная, как долго это продлится. Тогда я, наверно, и решила, что все равно ничего не в состоянии изменить, что придется только ждать, когда кто-то сможет меня спасти.

– И кто же тебя спас?

– Через какое-то время все эти истории так или иначе завершились. Но уже после, в других различных ситуациях долго ждала спасения. Казалось, чтобы выжить, мне необходим кто-то извне. Кто решит все мои проблемы взмахом волшебной палочки. Да, конечно, потом все заканчивалось с более или менее приемлемым исходом. Но чувство страха надолго стало моим спутником. А постоянное ожидание спасения лишь обостряло чувство нарастающей безнадежности.

– Как долго это продолжалось?

– Достаточно, чтобы сродниться с этим ощущением и сделать привычкой.

– Почему не обратилась за помощью?

– К кому? – она продолжала всматриваться в очертания крохотного листка.

– Хочешь сказать, что рядом с тобой совершенно никого не было? – он сдвинул брови, а его палец легко коснулся ее подбородка. Она оторвала взгляд от узора, покрывавшего

лист.

– Мне так казалось. И эти ощущения стали частью меня. Кто-то грызет ногти, а кто-то живет в страхе. Когда-то эта схема сработала и помогла мне справиться, а дальше привычно применяла ее в разных ситуациях. И да, она больше не давала таких результатов. Но я уже приняла ее как эффективную, ожидая, что теперь она всегда будет меня выручать. И очень долго не могла ее изменить, потому что не осознавала, что теперь она бесполезна. Да и до конца не понимала, что это мне мешает. Мы сроднились, были единым целым с тем состоянием. Оно пустило корни и все больше обретало силу и власть надо мной. И однажды наступил момент, когда наконец-то почувствовала: если не сделаю шаг в другую сторону, то исчезну. Тогда-то и решилась впервые с кем-то поделиться.

Они стояли на проспекте в центре города. Ее ладони нежно касался листок, солнце играло лучами на его изгибах, местами просвечивая насквозь. И вдруг заиграла музыка. Сначала аккордеон, звуки которого становились все ближе, пока полностью не слились с городом. Затем компанию ему составила скрипка, привнося легкие нотки грусти и волнения в струящуюся мелодию. Позже вступила виолончель, делая звучащие ноты более стройными, основательными и уверенными.

Она узнала мелодию. Это была интересная аранжировка The Autumn Leaves. Чем-то напоминала версию, исполненную Cecile Bredie. Стайка голубей взмахнула крыльями и закружилась над площадью в такт музыке. Она поняла, что это компания уличных музыкантов заняла привычное субботнее концертное место. Они часто приходили сюда по выходным, чтобы наполнить город красотой звуков. Она же почти всегда останавливалась возле них, когда встречала. Они создавали потрясающее настроение вокруг себя, люди выглядели счастливее, когда подходили к ним. Некоторые даже открывали лица, чтобы улыбнуться или перекинуться парой фраз друг с другом. Кто-то начинал танцевать. Музыка помогала всем отвлечься и вернуться к той прошлой свободной жизни. Репертуар оркестра был разнообразен и безупречен. Ей казалось удивительным, что такие талантливые люди дарят свое творчество каждому, проходящему мимо. Хотя теперь это была единственная для них возможность разделить с кем-то музыку.

Ее собеседник рассмеялся, подняв голову. Музыка играла громче, и они, не в силах сдержаться, стали приближаться к играющей компании. И тут он вдруг снова резко остановился и с улыбкой протянул руку, приглашая на танец. Никогда раньше она бы не смогла себе позволить подобной вольности. Никогда раньше, но только не сегодня. Настолько сильным оказался этот водоворот откровений. Сильным

и важным. И, как ни странно, естественным. Этим утром танцевать с незнакомым человеком стало для нее чем-то будничным. Впервые в жизни она положила ладонь поверх его и позволила себе двигаться в такт музыке. И танец подарил ей новое ощущение. В мире, который теперь призывал бояться каждого и сторониться всех, это было проявлением доверия к себе, к человеку рядом и к жизни.

Они двигались мягко и расслабленно. Движения его были четкими, она же чувствовала себя не очень уверенно и лишь следовала за ним. Он направлял ее едва заметными жестами. Шаг вперед, шаг назад, шаг в сторону, поворот, шаг вперед, шаг назад, шаг в сторону, поворот. Эта плавность и легкость завораживали ее. Некоторые люди улыбались, глядя на них, кто-то даже немного задерживался, наблюдая.

В какой-то момент лист выскользнул из ее ладони и медленно опустился на асфальт. Их больше ничего не разделяло. Его руки оказались теплыми, чуть шероховатыми и легкими. Движения были свободными, непринужденными. Мелодия набирала обороты, ритм ускорялся. Она даже начала думать о том, смогут ли они поддержать его. Возможно, лучше было бы прекратить. Но он не поддался на ее попытки остановиться и продолжал двигаться. И лишь когда музыка стала замедляться, звуки стихать, они тоже остановились.

Им аплодировали. Оказывается, их танец не оставил равнодушными музыкантов, которые радостно приветствовали их, хлопая в ладоши и широко улыбаясь. Они даже предложили задержаться подольше и составить им компанию в сегодняшнем выступлении. Но, вновь рассмеявшись, ее новый друг поклонился им в ответ, сказав, что, к сожалению, им нужно спешить.

– Все-таки удивительно, как хорошая музыка может изменить сюжет, правда? – спросил он.

– Да, это был неожиданный поворот. Откровенно говоря, никогда раньше не позволяла себе ничего подобного, – от смущения она прикрыла щеки руками и замотала головой.

– Должен сказать, у тебя отлично получается! Занималась танцами?

– Давно. Потом, когда все стало закрываться, забросила это дело. А ты? Ты тоже отлично танцуешь.

– Благодарю. Да, был и в моей жизни такой период. Нужно было заполнить чем-то внезапно навалившуюся пустоту. Иногда следует открывать что-то новое и разрешать себе чуть большее. И тогда это может стать отличным стартом для перемен.

– Все может быть. А в твоей жизни часто происходят перемены?

Вопрос показался ему неожиданным, но он не стал медлить с ответом.

– Мне кажется, перемены – это самое стабильное челове-

ческое состояние. Каждое событие, любая встреча так или иначе отражается на тебе. Мысли ощущения, эмоции. Когда-то больше, когда-то меньше. Иногда даже запах подталкивает нас к новому. Можно испытать притяжение или почувствовать отторжение, лишь ощутив тонкую нотку аромата.

– Ты, наверно, никогда не теряешь вкус к жизни?

На этот вопрос он отвечать не спешил и продолжил мысль.

– Так вот, некоторые переходы могут быть ошеломительными и прорывными, а где-то только чуть-чуть меняешь направление. Но это открывает новые горизонты. Иногда кажется, что все происходящее совершенно не твое, чуждое, что оно разрушает и вредит. Но на самом деле любое событие – подарок, который можно открыть, а можно выбросить. У тебя всегда есть выбор, понимаешь? Это очень тонкая грань между попыткой все контролировать и истинной силой настоящего выбора. Мне кажется, ты говорила именно об этом чуть раньше.

Она кивнула.

– Это удивительное и поразительное сочетание, баланс, если хочешь. Замечать все, что приходит, и брать только то, что тебе действительно нужно. Ключевая разница между желанием контроля и свободой выбора. Недавно обнаружил, что в этом кроется невероятная сила. Раньше постоянно пы-

тался все держать под контролем. Мне казалось, что в этом проявляется моя сила, мол, многое могу в этом мире. У меня создавалось впечатление, что способен держать в подчинении те или иные процессы и даже людей, влиять на них, управлять. Пара прошедших лет продемонстрировала, насколько был наивен и самонадеян. На самом деле мало что могу контролировать. Сначала это выбивает почву из-под ног. Кажется, мир рушится, тебе совершенно не за что ухватиться и не на что опереться. Ты теряешься, падая в вихрь событий, эмоций, которые возникают извне и следуют собственному плану. Но со временем понял, что хоть ничего не контролирую, но могу выбирать, как реагировать на стремительно меняющиеся обстоятельства. И так во всем в жизни я ощутил колоссальную разницу между иллюзией и свободой.

Он чуть коснулся ее спины, приглашая сменить направление. Повернув на другую улицу, они продолжили путь. Она шла, полностью следуя и доверяя человеку, которого узнала лишь пару часов назад. И ей не было страшно. Она ничего не контролировала, но раз за разом делала выбор в пользу него. Снова сделала глубокий вдох, будто собираясь погрузиться в воду.

- А наш мир? Как думаешь, он когда-то станет прежним?
– Нет, – уверенно ответил он. – А тебе бы хотелось воз-

вращения?

– Не знаю, иногда прошлое кажется удобным и привычным. Как детство, которое, несмотря ни на что, греет воспоминаниями. Где было меньше забот, переживаний. Иногда приятно потешить себя надеждами.

– Да, нам резко предложили повзрослеть, можно даже сказать, заставили. Соглашусь, что многим это обошлось слишком дорого и больно. Но и тогда у каждого был выбор. Даже оказавшись запертыми, наедине с собой у нас все равно был выбор. У тебя был выбор. У меня был выбор. Правда, мне пришлось потратить слишком много времени, чтобы понять это.

– И что ты выбрал?

Он опустил голову и задумался. Под ногами шуршали листья, их окружил шум проснувшегося города. Какое-то время шли молча. Ей не хотелось нарушать его тишину, и она только наблюдала за происходящим вокруг. Так с удивлением обнаружила, что они уже довольно далеко отошли от места встречи. И что раньше не ходила таким маршрутом. На минуту показалось, что они гуляют в другом городе. Даже раненая нога перестала напоминать о себе.

Солнце светило ярче, бликовало на витринах магазинов и кафе, заглядывало в окна домов, дарило людям объятия, никого не оставляя без тепла. Солнце было повсюду. Та-

ким же всеобъемлющим ей казался новый друг. У нее было ощущение, что и он был повсюду. В каждом проходящем мимо человеке, в каждой витрине. То ли он заполнил собой весь город, то ли город сжался до масштабов единственного человека.

Ей вдруг захотелось вернуться к своим наброскам. Достала из рюкзака скетчбук и взглянула на последнюю работу. Теперь поняла, чего там не хватало. Краски на листке были слишком холодными, отстраненными. В них недоставало тепла и света. А еще глубины. Конечно! Им нужна глубина.

– Мне нужно немного времени, – дотронулась до его руки и жестом указала на пустую скамейку недалеко. – Не возражаешь, если присядем?

– Нет.

Они подошли и присели на скамейку. Она достала мелки и начала дополнять набросок оттенками, движения ее рук были быстрыми и отрывистыми. Она торопилась, казалось, что ей не хочется упустить ни одну деталь и потерять те самые цвета, что были необходимы этому листку бумаги. Иногда отводила взгляд в сторону, затем возвращалась к палитре и, улыбаясь, продолжала танец линий.

Пока она работала, он сидел рядом и с интересом наблюдал за ее движениями. Взгляд его скользил по ее лицу, он

всматривался в каждую черточку. Пытался поймать движения ее изумрудных глаз во время рисования. Хотел увидеть в них отражение того, каким она видит происходящее вокруг. Когда она улыбалась, уголков его глаз касалась незаметная улыбка. Каждое ее мимолетное движение отражалось в его взгляде.

– Ты любишь цвет? – произнес он, откинувшись на спинку скамьи.

Но она жестом дала понять, что пока не готова к диалогу. Ей не хотелось отвлекаться, потому что невидимая нить, связывающая ее в этот момент с изображением на листе, могла ускользнуть. Он улыбнулся и оглянулся по сторонам.

Минут через десять она закончила. С легкостью выполнив последние штрихи, отложила мелок в сторону и повернулась к нему.

– Извини, мне необходимо было сделать это именно сейчас. Не люблю терять минуты вдохновения. Ты что-то говорил?

– Я спросил, любишь ли ты цвет? Твои картины наполнены им, он затмевает все остальное.

– Да, в последнее время полюбила краски. Никогда не училась рисованию и не считала себя художником. Более того, мне кажется, что я не умею рисовать. Но это один из моих способов диалога с собой. В цвете вижу отражение

себя и окружающего мира. Он показывает мне, что скрыто глубоко внутри. Помогает понять, что на самом деле происходит сейчас вокруг, и выразить то, что не могу словами.

– И давно ты «не умеешь рисовать»? – его брови чуть вздернулись.

Она закрыла скэтчбук, отложила в сторону и еще больше развернулась к нему.

– Пожалуй, давно, – сказала, усмехнувшись. – Сначала срисовывала любимые изображения. Потом меня увлекли лица. Одно время переносила изображения с фото, а затем попробовала делать наброски с натуры. Не могу сказать, что мои портреты были всегда точны. Подмечаю интересные мне детали. Пытаясь запомнить образ таким, каким он возникает у меня внутри, а не изобразить точную копию. Сначала рисовала в голове историю о каждом, чье изображение переносила на бумагу, а затем дополняла чертами, которые были самым ярким ее отражением. Понимаю, немного похоже на бред. Но это трудно описать словами. Когда лица людей вместе с их историями стали недоступны, мне показалось, что теряю и себя в этом безличии. Тогда на помощь мне пришел цвет. Сначала это был цвет глаз, который слава богу еще можно было заметить у окружающих. Затем оказалось, что все пространство наполнено цветом.

– Может быть, когда-нибудь попробуешь рассказать и мою историю тоже?

– Хочешь, чтобы написала твой портрет?

– Да, очень. Я бы хотел взглянуть на себя твоими глазами. Уверен, это поможет узнать много нового.

Они сидели друг напротив друга, и, пойдя на поводу у вдохновения, она снова стала вглядываться в каждую деталь его образа. Но как бы ни пыталась за что-то ухватиться, ничего не получалось. Внимание полностью поглощали его глаза. Они глубже раскрывались для нее с каждым падающим лучом. Бликовали, заигрывая то ли с солнцем, то ли с ней самой, и ей стало казаться, что видит в них волны, набегающие на берег. Абсолютная красота цвета. Оттенки незаметно менялись, не давая ей ни малейшего шанса оторвать взгляд.

– Выходит, прошедший год наполнил твою жизнь цветом?

– Похоже, что да, – она провела ладонями по своим предплечьям.

– Как ты провела его? – он слегка коснулся кончиков ее волос, немного отодвинув их от лица.

– В наблюдении. Мне понадобилось достаточно много времени, чтобы наконец научиться отключаться от стороннего шума, который заполнил все вокруг. А потом вновь вернуться во внешний мир, но с совершенно новым взглядом на него. Сначала с интересом и настороженностью наблюдала за всем происходящим. Это казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой. Потом стало понятно, что это история не пары недель и даже месяцев, нужно как-

то приспособливаться.

Количество информации, слухов, домыслов и мнений росло. То и дело звучали разные призывы и лозунги. Через какое-то время поймала себя на том, что поддалась панике, а также различным призывам к борьбе, сопротивлению. Почувствовала, что мои силы на исходе. Не хотела воевать, не могла, это была не моя война.

И тогда первое, что я сделала, – вернула себе собственную тишину, потому что от отсутствия живого общения впала в ступор и попыталась уйти в онлайн. Но в конце концов стало понятно, что этот суррогат никогда и ничего не сможет заменить. Он вызывал только постоянное напряжение. И тогда отключилась и от него. Поняла, что раз ситуация так настойчиво предлагает мне повернуться лицом самой к себе, рано или поздно мне придется это принять. Иначе может оказаться так, что поворачиваться больше будет некуда.

Но восстановить уже практически потерянную связь с собственным «Я» оказалось не так просто. Была совершенно вымотана, у меня не оставалось ни сил, ни желания, чтобы подниматься каждое утро с кровати. Устала сама от себя. Это оказалось поразительным временем. Остаться лицом к лицу с человеком, готовым изводить тебя часами. И этим человеком была я. Стала себе мучительно отвратительна. И надо было разорвать этот круг, выбраться наружу.

Мне нужно было время. Крохотными шагами знакомилась с собой заново. Начинала прислушиваться к своим же-

ланиям и ощущениям. С удивлением обнаружила, что большинство повседневных и рутинных занятий не доставляли мне ничего, кроме дискомфорта. Они были чужими, но вроде бы при этом вполне себе правильными с точки зрения окружающих и привычными для меня. И мне же при этом было тоскливо, что почти все прошедшие годы жила постороннюю и отстранённую от самой себя жизнь. Воспринимала себя через призму чужих оценок. Верила всему тому, что про меня говорят, ни разу не усомнившись в правильности этих слов. А тут же мне сполна было дано времени, чтобы наконец-то узнать о том, кто я на самом деле.

– И кто же ты?

Вопрос ей не понравился. Ощутила, как сжались плечи. Долго пристально вглядывалась в глубину его глаз и молчала. Ей не хотелось делиться с ним утренним откровением. Говорить о том, что с некоторых пор стала разбитым надвое стаканом. Она перевела взгляд на прохожих и решила сказать первое, что взбредет в голову.

– Наверное, я та, которая все время что-то ищет.

– То есть ты так и не смогла найти ответа?

– Видимо, мне нужно было еще чуть больше времени.

– Почему же остановилась?

– Нужно было вернуться сюда.

– Ты долго отсутствовала?

– Достаточно.

– Как ты решилась уехать и бросить свое море?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.